

4. Отчет о деятельности Уралоблисполкома за 1927-1931 гг. Свердловск. 1931. С.168-171; Винниченко О.Ю. Советы Урала в механизме тоталитарного государства. 1929-1941. Курган, 2001. С.123.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.8341. Оп.1. Д.20. Л.11.
6. Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1998. С.45.
7. НТГИА. Ф.Р-21. Оп.1. Д.1028. Л.3.
8. Ватлин А.Ю. – Б.Штудер, Б.Унфрид. Кадры сталинской партии. Практика и дискурс самоидентификации в Советском Союзе 1930-х годов // Вопросы истории. 2004. №6. С.174.
9. ГАРФ. Ф.5469. Оп.13. Д.609. Л.7об.
10. ГАРФ. Ф.5469. Оп.13. Д.609. Л.7.
11. Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф.Р-122. Оп.3. Д.4. Л.73.
12. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДО-ОСО). Ф.4. Оп.7. Д.77. Л.120.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАС-ПИ). Ф.610. Оп.1. Д.195. Л.214.

Козлов С.А.
(Тюмень)

Теория вожества в контексте скифской истории (На материалах VII – начала IV вв. до н.э.)

В последнее время вырисовывается новая, в высшей степени сложная и многообразная панорама переходов от догосударственного состояния к раннегосударственному у самых разных народов, что побуждает и античников, и медиевистов вновь рассмотреть эту проблему на своём, казалось бы, давно и солидно изученном материале. Несомненно, поднятая проблема имеет общеметодологическое значение. Наша реконструкция, носящая сугубо гипотетический характер, продиктована интересом скифологов к проблеме становления государства у скифов. Ибо применительно к кочевым обществам проблема государства должным образом не прояснена и нуждается в новом обсуждении.

Вопрос о времени возникновения государства у скифов чрезвычайно дискусионен. Разработку этой темы начал *А.С. Лаппо-Данилевский*, который полагал, что скифы были народом варварским, но находившимся близко к цивилизации. *М.И. Ростовцев* считал, что уже в ранний период у скифов существовала мощная держава. Историки античности *В.Ф. Гайдукевич*, *С.А. Жебелёв* полагали, что государство у скифов возникло лишь в III–II вв. до н.э. Археологи *Б.Н. Граков*, *А.И. Мелюкова*, *М.И. Артамонов* и их последователи считали, что скифское общество до V в. до н.э. было военно-демократическим с преобладанием кочевых форм быта; в V в. до н.э. сложи-

лось царство с сильной деспотической властью, с ведущей ролью кочевых племён, подчинивших себе земледельцев. По мнению *А.И. Тереножкина* и *А.П. Смирнова*, государство у скифов возникло ещё до V в. до н.э. О том, что государство у скифов могло возникнуть ещё в VII в. до н.э., в переднеазиатский период истории скифов, писал *А.М. Хазанов* (1).

Выбор того или иного мнения в известной степени зависит от избранной методологии исследования. Так, с точки зрения *эволюционистского* подхода, господствовавшего в советской историографии, государство у скифов не могло сложиться в ранний, переднеазиатский период их истории. Современные концепции предполагают двойственный подход к характеристике кочевых политических образований (2). Исходя из этого, мы приходим к выводу, что переднеазиатская Скифия (ок. 70 гг. VII – начало VI вв. до н.э.) была основана на *консенсуальных связях* во внутренней политике, но выступала как специфическая *завоевательная ксенократическая государственноподобная мультиполития* по отношению к соседним народам. Её цари, принадлежавшие, по крайней мере в эпоху наибольшего могущества царства, к одной династии, признавались равноправными партнёрами в сложных военно-политических взаимоотношениях государств того времени. В ней преобладали внешние межэтнические формы зависимости, основанные: 1) на прочном подчинении местного, в т.ч. земледельческого, населения; 2) на военной эксплуатации в виде набегов и грабежей (вплоть до Сирии и Египта); 3) на взимании регулярной дани с других государств (Мидия); 4) возможно, на получении платы за союз и военную помощь (Ассирия).

Политическая организация скифского общества претерпела в течение времени значительную трансформацию. Первоначально, в переднеазиатский период, Скифия представляла собой мощную державу, основанную на военной иерархии, в известной степени автократической власти скифского “царя”. Постепенно автократические связи в скифском обществе ослабевали. Причерноморская Скифия VI – начала IV вв. до н.э. представляла собой *протогосударственное, раннеклассовое общество* (3), политическую систему которого можно охарактеризовать как *вождество суперсложного типа* (4); структурную основу её составляла многоступенчатая родо-племенная организация. По Геродоту, Скифия, помимо βασιλῆαι – “царств-басилей”, подразделялась на νομοί – “номы”, округа (IV, 7, 62, 120). Дальнейшие подробности административно-политического устройства Скифии Геродот сообщает рассказывая о культе бога Ареса (*Herod.* IV, 62). Анализируя это сообщение Геродота, часть скифологов (С.А. Семёнов-Зусер, А.М. Хазанов и др.) полагали, что скифские номы входили в более крупные единицы – “архэ”. Однако Э.А. Грантовский, указав, что термин “архэ” появился в части переводов и изданий после конъектуры Г. Штейна, отметил, что “при обычном чтении в тексте упомянуты ‘архейоны’; тогда тут подразумевались бы

номовые власти, места их собрания, совета и т.п., как полагали многие учёные до поправки Г. Штейна и после неё (А.С. Лаппо-Данилевский и др.)” (5).

Поскольку в отечественной литературе вплоть до настоящего времени теория вожества имеет хождение в основном среди специалистов по политогенезу (г.о. ориенталистов и этнологов-антропологов), на данном вопросе мы сочли необходимым остановиться несколько более подробно.

Теория вожества (англ. *chiefdom*) принадлежит к числу наиболее фундаментальных достижений западной политантропологии. В рамках неэволюционистской схемы уровней социальной интеграции (локальная группа – община – вожество – раннее государство – национальное государство) вожество занимает среднюю ступень. В этой схеме вожество понимается как промежуточная стадия интеграции между акефальными обществами и бюрократическими государственными структурами (6).

Простые вожества представляют собой группу общин, иерархически подчинённую одному вождю; в свою очередь, сложные вожества – это иерархически организованная совокупность нескольких простых вожеств (7). Суперсложное вожество – это не механическая группа сложных вожеств. При простом объединении нескольких сложных вожеств в более крупные политии, последние редко оказываются способными справиться с сепаратизмом субвождей без аппарата власти (8). Принципиальным отличием суперсложных вожеств является появление механизма наместников, которых верховный вождь посылал управлять региональными структурами. Это ещё не аппарат власти, поскольку количество таких лиц невелико, но это важный структурный импульс к последующей политической интеграции (9).

Суперсложное вожество – это уже реальный прообраз раннего государства. Данные политические образования имели сложную систему титулатуры вождей и функционеров, взаимодействовали с соседними странами, заключали династические браки с правителями земледельческих государств и соседних кочевых объединений. Впоследствии, для них были характерны зачатки урбанистического и монументального строительства. С точки зрения соседей такие кочевые общества воспринимались уже как самостоятельные субъекты международных политических отношений.

Следует подробнее остановиться на способах поддержания структурного единства “кочевой конфедерации”: институтах *наместников* и *престижной экономики*. У скифов институт наместников представлен вождями племён, племенных объединений и иных этно-племенных группировок, т.е. тех единиц скифской общественной структуры, которые Геродот называет номами. Механизм, соединявший “правительство” степного объединения и племенных вождей, образовывал институты престижной экономики.

Политические связи между племенами и органами управления степного объединения не были чисто автократическими. Надплеменная власть сохранялась в силу того, что, с одной стороны, членство в “кочевой конфедера-

ции” обеспечивало племенам политическую независимость от соседей и ряд других важных выгод, а, с другой стороны, правитель кочевой державы и его окружение гарантировали племенам определённую внутреннюю автономию в рамках объединения.

Судя по всему, население степных и лесостепных областей Северного Причерноморья, несмотря на некоторые различия в их культуре, входило в состав единого военно-политического объединения – Скифии, дальней восточной окраиной которой была территория Среднего Дона (10). Это был достаточно рыхлый конгломерат зависимых территорий. Границы её были крайне неустойчивы, не могли сложиться и чёткая система общегосударственного управления. Подчинение “царю” осуществлялось различным образом и в неодинаковой степени. Внутри больших “кочевых государств” находилась обширная “оседло-земледельческая периферия”, чрезвычайно важная для социального, политического и культурного развития Скифии. Роль племенных вождей в борьбе политических сил трудно переоценить, и нередко именно они оказывали решающее влияние на смену господствующей элиты.

Внутренняя слабость Скифии компенсировалась непрерывной широкой экспансией вовне. Ресурсы, необходимые для её правителей, поступали в большей мере из покорённых или зависимых территорий в виде дани, от племенных и других вождей, принужденных стать их вассалами. Когда же эти соседи получали военный перевес, сразу обнаруживалась “врождённая” непрочность этого объединения.

С первой половины IV в. до н.э. начинается новый этап государственной жизни скифского общества, который характеризуется: 1) интенсификацией седентаризационного процесса; 2) усилением имущественного и социального неравенства, идеологическим обособлением знати; 3) усилением центральной власти; 4) усилением зависимости лесостепного населения; 5) началом городской жизни в Скифии; 6) ростом торговли с греческими городами Северного Причерноморья и усилением эллинизации скифской знати (11).

---

1. Лаппо-Данилевский А.С. Скифские древности // ЗОРСА. Т. IV. СПб., 1887. С. 523; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925; Смирнов А.П. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. М., 1934; Граков Б.М. Скифы. Київ, 1947; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949. С. 5; Жебелёв С.А. Северное Причерноморье. М.-Л., 1953. С. 88; Артамонов М.И. Скифское царство // СА. 1972. № 3. С. 62; Он же. Киммерийцы и скифы. Л., 1974. С. 143; Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975.

2. См., например: Крадин Н.Н. Империя Хунну. М., 2002.

3. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алма-Ата, 2000. С. 455.

4. Крадин. Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы // ВИ. 2001. № 4. С. 25 сл.

5. Грантовский Э.А. Проблемы изучения общественного строя скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 133.

6. Крадин. Империя Хунну... С. 241.
7. Он же. Общественный строй кочевников... С. 25-26.
8. Там же. С. 26.
9. Честь открытия этого механизма принадлежит американскому антропологу Р. Карнейро: Carneiro R. Process vs. Stages: A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State // Alternatives of Social Evolution. Vladivostok, 2000. По мнению Н.Н. Крадина, в наиболее развитой форме он характерен больше для номадических, чем для оседло-земледельческих обществ, см.: Крадин. Общественный строй кочевников... С. 26.
10. Гуляев В.И. Дискуссионные проблемы скифологии // ВДИ. 2006. № 1. С. 190.
11. Хазанов. Социальная история скифов... С. 238.

**Кориков Д.Г.
(Екатеринбург)**

Противосектантское направление вероисповедной политики Российской империи в 1861 – 1904 гг.

Одной из актуальных проблем российской истории пореформенного периода является история взаимоотношений государства с неофициальными религиозными движениями, попадавшими в то время с официальной точки зрения под категорию сектантства. Характерное для настоящего времени возрастание удельного веса и значимости религиозных объединений невольно сказывается на характере их отношений с государством. Отсюда - необходимость понимания российского опыта разрешения “религиозного вопроса”, осмысления достоинств и недостатков различных принципов взаимоотношений государства с религиозными организациями.

В Российской империи вплоть до 1917 г. взаимоотношения государства с различными религиозными объединениями строились на конфессиональном принципе. Государство пыталось расположить эти объединения в некий иерархический ряд, в зависимости от близости к официальной идеологии. Принцип защиты единственно правильного вероисповедания и подавления любых других религиозных движений имел в рассматриваемое время давнюю традицию. Однако наравне с этой традицией существовал и начинал воплощаться совершенно противоположный ей либеральный, светский принцип государственно-религиозных взаимоотношений. Борьба этих двух принципов в сочетании с неудачной попыткой их примирения является характерной особенностью той эпохи.

Особенность эта достаточно сильно проявилась в попытках юридического решения проблемы старообрядчества и сектантства. Попытки эти начинаются с учреждения в 1858 г. Особого комитета из светских лиц для определения прав старообрядцев и сектантов. Деятельность его ограничилась подготовительными работами совместно с II отделением Собственной е. и. в.